

RU

Лингвокогнитивная репрезентация концептуальной оппозитивности в персоналистском дискурсе Владимира Жириновского

Здановская Л. Б.

Аннотация. Цель исследования – обосновать структуру концептуальной оппозитивности на базе дихотомии «СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ», вербализованной в персоналистском дискурсе В. Жириновского. Научная новизна исследования заключается в предложенной автором формулировке понятия «концептуальная оппозитивность»; в разработке концепции лингвокогнитивного моделирования первичного и вторичного типов персоналистского дискурса политической фигуры – В. Жириновского; в обосновании специфики внутрисубъектного осложнения базовой оппозиции; в описании принципа образования конструкта «дихотомический композит». В результате исследования выявлены оппозиции, выступающие единицами измерения концептуальной оппозитивности. Определена групповая принадлежность оппозиций, позволяющая составить типологические классификации структур исследуемого персоналистского дискурса; установлены и описаны критерии классификационных характеристик первичного и вторичного типов дискурса с учетом актуализации процесса концептуальной оппозитивности, совмещаемого с дихотомией «СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ»; описан принцип образования конструкта «дихотомический композит» на основе слияния двух дихотомий, подтверждаемый схемой: [«СОЗИДАНИЕ» («СВОИ» ↔ «ЧУЖИЕ») «РАЗРУШЕНИЕ»].

EN

Linguistic and cognitive representation of conceptual oppositivity in Vladimir Zhirinovskiy's personalistic discourse

L. B. Zdanovskaya

Abstract. The purpose of the study is to substantiate the structure of the conceptual opposition based on the dichotomy “CREATION – DESTRUCTION”, which is verbalized in V. Zhirinovskiy's personalistic discourse. The scientific novelty of the study lies in the author's formulation of the concept “conceptual oppositivity”; in developing the concept of linguocognitive modeling of primary and secondary types of the personalistic discourse of the political figure V. Zhirinovskiy; in substantiating the specifics of the intrasubjective complication of the basic opposition; and in describing the principle of forming the construct “dichotomous composite”. As the result, the study identified oppositions that serve as units of measurement for the conceptual oppositivity. The group affiliation of oppositions has been determined, allowing to compile the typological classifications of the structures of the studied personalistic discourse. The criteria for the classification characteristics of the primary and secondary types of discourse have been established and described, taking into account the actualization of the process of conceptual oppositivity, which is combined with the dichotomy of “CREATION – DESTRUCTION”. The principle of forming the construct “dichotomous composite” based on the merging of two dichotomies, which is supported by the following scheme: [“CREATION” (“US” ↔ “THEM”) “DESTRUCTION”], has been described.

Введение

Актуальность темы исследования определяется, во-первых, значимостью языковой личности Владимира Жириновского, представителя русской лингвокультуры, в формировании концептуальной оппозитивности в политическом дискурсе; во-вторых, важностью изучения персоналистского дискурса В. В. Жириновского в русле антропоцентрического направления современных дискурсивных исследований, лингвоперсоналогии, когнитивной и политической лингвистики, с позиций осмысления и разработки моделей контрарного взаимодействия персоны мирового уровня и субъектов общения в условиях глобальной политизации всех видов социальной и деловой активности, пробуждающей концептуальную оппозитивность как доминирующий компонент персоналистского дискурса. Актуальной представляется систематизация оппозиций на базе дихотомии «СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ», вербализованных в персоналистском дискурсе В. Жириновского.

Цель исследования обусловила постановку следующих задач:

- систематизировать теоретические концепции, аргументирующие современное «прочтение» идеи персонализма, представленное в историософских и лингвистических исследованиях;
- обосновать функцию концептуальной оппозитивности как системообразующей стратегии, совмещаемой с дихотомией «СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ»;
- описать принцип совмещения дихотомий «СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ» и «СВОИ – ЧУЖИЕ», ведущий к образованию конструкта «дихотомический композит»;
- установить и проанализировать критерии образования первичного и вторичного типов персоналистского дискурса;
- определить оппозицию единицей измерения концептуальной оппозитивности, обуславливающей формирование персоналистского дискурса Владимира Жириновского.

При проведении исследования применялись следующие методы: лексико-семантический метод для описания значений лексем, вербализующих оппозиции; метод дискурс-анализа для структурно-композиционного описания персоналистского дискурса; лингвопрагматический метод для определения результатов дискурсивного процесса; методы компонентного и контекстуального анализа единиц языка при определении значения доминантных смыслов концептуальной оппозитивности, которые позволили выполнить лингвокогнитивное моделирование оппозиций, сопровождаемое построением релевантных схем.

Материалом для исследования послужил текст мемуаров о В. В. Жириновском. К исследованию также привлекались словарные дефиниции из философского энциклопедического словаря, историко-этимологического словаря «Русская фразеология», академических толковых словарей русского языка.

Теоретической базой исследования выступили философские взгляды представителей русского персонализма Н. А. Бердяева (1995) и Н. О. Лосского (1991), предложивших значимую для настоящего исследования идею особого предназначения личности как творческого субъекта и главного элемента мира; теоретические позиции основоположников персоналистской философской концепции Э. Мунье (1999) и П. Рикёра (Ricoeur, 1955), отстаивавших историческую роль персонализма, подкрепленного христианским вероучением, в культурном и историческом развитии Европы, способствовавшим его возрождению. Принципиальным для обоснования ключевой роли личности и ее персонального участия в разрешении проблем современного общества является позиция О. С. Кузнецовой (2009). Изучение языковой личности известного политика и ее описание в традиции персонализма стало возможным благодаря исследованию Е. А. Резчиковой (2013). Важной для понимания персонализма как философского направления, позволяющего изучить специфику проявления феномена личности, явилась точка зрения Л. В. Есиповой (2008). Определение особой роли человеческой личности в социуме и ее функции в процессе межличностного общения стало возможным благодаря концепции Н. С. Трубецкого (1927). Ключевыми для рассмотрения значимости личности в русле лингвоперсонологии являются исследования Г. И. Богина (1984), Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова (2010), В. И. Карасика (2004; 2016), предлагающие комплексный подход к изучению и описанию языковой личности. Актуальными для понимания современной концепции лингвоперсонологии, применимой для изучения и описания дискурсивной личности, являются труды В. Н. Базылева (2005). Признание концептуальной оппозитивности системообразующей стратегией персоналистского дискурса стало возможным благодаря исследованию оппозитивности Т. И. Красновой (2015), трактующей оппозитивность как феномен, сформированный в ходе интерпретации российской действительности на конкретном этапе исторического развития. Были учтены основные положения концепции Л. В. Кушниной и М. В. Иванова (2019), позволяющие считать оппозитивность универсальной семантической категорией, обуславливающей образование дискурса. Определена в качестве приоритетной интегральная специфика организации концептуальной оппозитивности, предложенная Т. В. Лаврентьевой (2005). Основополагающей для настоящего исследования является обозначенная нами ранее позиция о полярной реализации действий, совмещаемой с дихотомией «СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ».

Практическая ценность работы заключается в возможности применения результатов исследования в разработке вузовских спецкурсов по теории языковой личности, теории дискурса, теории оппозитивности. Результаты исследования персоналистского дискурса В. В. Жириновского могут быть использованы в практике методики дискурсивного анализа, применяемого при изучении способов измерения дискурсов различной типологии.

Обсуждение и результаты

Динамика развития концептуальной оппозитивности транслируется глобально выраженными процессами противоречий в современном обществе, которые усиливаются противостоянием идеологических формаций, объективируемых в процессе контрарной коммуникации оппонирующих сторон. Первостепенную значимость в отображении поляризации субъектного взаимодействия приобретает деятельностная активность ключевой фигуры дискурса – известной медийной персоны, выступающей главным актантом действия, демонстрирующим функциональную способность и готовность к критическому восприятию текущего момента. Интерпретация событий языковой личностью совершается в индивидуально-личностном оппозитивном преломлении, ведущем к формированию специфического продукта – персоналистского дискурса. В настоящей работе функция доминирования в коммуникации закрепляется за Владимиром Жириновским, устанавливающим тематику и задающим вектор общения в формате оппозитивности, побуждая участников вступать с ним в отношения коммуникативного взаимодействия.

Центрическая позиция языковой личности, отмеченная выраженным доминированием в процессе коммуникации, обуславливающим образование особого продукта – персоналистского дискурса, – обязывает нас рассмотреть философский и лингвистический аспекты формирования понятия *персонализм*.

Определение персонализма, с позиции представителей философии, отправляет к личности, признаваемой «первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир проявлением творческой активности верховной личности – бога» (ФЭС, 1983, с. 489).

В основе философской концепции персоналистов лежит идея противопоставления теориям идеалистического монизма и панлогизма концепции идеалистического плюрализма, который базируется на множественности таких понятий, как *существование, сознание, воля, личность*. *Человеческая личность* провозглашается представителями персонализма фундаментальной категорией, основой проявления бытия, представляя собой сочетание волевой активности и деятельности личности с непрерывностью ее существования. Истоки *личности* отправляют не к ней, а к богу, выступающему единым и бесконечным началом всего существующего в мире (ФЭС, 1983).

Период становления персонализма как философского направления охватывает внушительные временные рамки: конец XIX века (Россия) – 30-е годы XX века (Франция и др.) (ФЭС, 1983). Ярчайшими представителями русского персонализма выступают Н. А. Бердяев и Н. О. Лосский. Николай Бердяев (1995) строит свою концепцию личности, ее идею в русле оппозитивности, которая может быть представлена схемой: «*субъект (личность, «Я»)*» ↔ «*мир, феномен, объект*». Николай Лосский (1991), придерживающийся идеалистической позиции в философии персонализма, транслирует идею понимания личности как творческого субъекта, выступающего центральной составляющей мира.

Основатель французского персонализма Э. Мунье (1999), провозглашая личность абсолютной ценностью, разделял категории личности и индивида. Личность, определяемая философом духовной сущностью высшего порядка, погруженная в процесс творческой самореализации, противопоставляется индивиду, представляющему собой замкнутого, изолированного человека, который концентрируется исключительно на собственном внутреннем мире (ФЭС, 1983, с. 390). Историческая вовлеченность персонализма способствовала его возрождению и дальнейшему развитию европейского общества. Источником «вовлеченности» выступает христианская вера, транслирующая диалектическую сущность процесса «вовлечение»/«невовлечение», демонстрирующего совмещаемость с концепцией оппозитивности (Мунье, 1999). Реализация оппозитивности, транслируемая теорией Мунье (1999), может быть выражена парами оппозиций: *личность* ↔ *индивид*; «*вовлечение*» ↔ «*невовлечение*».

П. Рикёр наделяет персонализм способностью «разрешения проблем современного общества» (Ricoeur, 1955, p. 38). Персонализм, основанный на глубоком личностном синтезе философской традиции, провозглашает *волю* его сущностной характеристикой, придающей особый смысл окружающей человека реальности (ФЭС, 1983).

О. С. Кузнецова (2009) понимает под персонализмом явление общеевропейского масштаба, претендующее в силу сложной идейной и структурной организации на определение «исторического феномена» в интеллектуальном, социально-политическом и культурном аспектах рассмотрения. Теоретические основы персонализма, согласно позиции О. С. Кузнецовой, разработанные философами различных культур и религиозных направлений, обусловили формирование «мыслительного пространства персонализма» (2009, с. 4).

Включение Е. А. Резчиковой (2013) исторически значимой личности П. А. Столыпина в парадигму персонализма обуславливается тенденцией активного поиска национальной идентичности на государственном уровне. Ученый акцентирует роль исторически значимой персоны в созидательном политическом творчестве. Мы солидарны с позицией Е. А. Резчиковой (2013), указывающей в качестве факторов, подтверждающих актуальность реализации персоналистского дискурса, суверенность, свободу личности, приобретенный ею экзистенциальный опыт, умение сочетать новое и традиционное с целью поступательного развития государства.

Л. В. Есипова (2008) исследует персонализм, основываясь на понимании его как философской системы и направления, позволяющего изучить специфику проявления *феномена личности*. В качестве основных ученым установлены две группы критериев: 1) аксиоматические критерии, разграничивающие личности Бога и человека; 2) диалектические критерии, утверждающие или отменяющие наличие противоположностей. Установленные признаки позволяют проследить представленность идей персонализма в различных философских системах, включая их терминологическое обоснование, и указать в качестве потенциально реализуемой возможность их включения в теорию персонализма, основанную на изучении понятия «феномен личности» (Есипова, 2008, с. 113-114). Основные положения анализа персонализма, предложенные Л. В. Есиповой (2008), позволяют выделить оппозиции: «*личность Бога*» ↔ «*личность человека*»; «*утверждение противоположностей*» ↔ «*отмена противоположностей*».

Концепция персонализма, согласно теории Н. С. Трубецкого (1927), акцентирует «симфоническую» сущность личности, вбирающую в себя две категории проявления: 1) «*частночеловеческую*» (личность отдельного человека); 2) «*многочеловеческую*» (народ). Первая отмечена проявлением в чередующихся разновременных «индивидуациях». Объективация второй позволяет совмещать одновременные и разновременные ситуации. Выделенные типы личности, сопрягаемые с идеей индивидуального (1) и национального (2), оформляют позицию персонализма, базирующуюся на частно- и общечеловеческих принципах построения «личностного универсума» (Трубецкой, 1927). Теоретические положения теории персонализма Н. С. Трубецкого (1927) позволяют указать следующие оппозиции: «*частночеловеческая категория*» → *личность отдельного человека* ↔ «*многочеловеческая категория*» → *народ; разновременные ситуации* ↔ *одновременные ситуации*; «*частночеловеческий*» ↔ «*общечеловеческий*» (*принципы построения «личностного универсума»*).

В. Н. Базылев (2005) усматривает в теории персонализма закрепление двух тенденций – *персонализации* и *деперсонализации*, обуславливающих становление творческой личности. Противопоставленность указанных позиций оформляет оппозицию *персонализация* ↔ *деперсонализация*.

Рассмотренные философские концепции, конституирующие основные категориальные признаки персонализма, позволяют предположить оппозитивную специфику его отображения, закрепляемую приведенными выше парами оппозиций.

Теория лингвоперсонологии вобрала в себя базисную философскую идею о «главенствующей роли личности», значимыми факторами реализации которой выступает способность к языковому общению. Системный подход к формированию типологии понятия «языковая личность» в лингвоперсонологическом ракурсе рассматривания предложен Ю. Н. Карауловым и В. В. Петровым (2010), Г. И. Богинным (1984), В. И. Карасиком (2004; 2016), выделяющими речевую, коммуникативную и дискурсивную типы личности.

Г. И. Богин (1984) предлагает пятиуровневую лингводидактическую модель языковой личности, в основе которой лежит ее ключевая функция – текстопродуцирующая, включающая 5 позиций: 1) правильность; 2) интериоризация; 3) насыщенность; 4) адекватный выбор; 5) адекватный синтез. Иерархическая организация модели *нижнее* ↔ *высшее* отмечена, с нашей точки зрения, проявлением оппозитивности.

Ю. Н. Караулов и В. В. Петров трактуют языковую личность (ЯЛ) как «сквозную идею», «пронизывающую» все сферы изучения языка и «разрушающую» границы между дисциплинами, исследующими человека, поскольку «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» (2010, с. 7). Концепция моделирования ЯЛ, разработанная учеными, включает вербально-семантический, лингвокогнитивный и высший мотивационный уровни. Уровневая организация языковой личности позволяет указать две позиции, демонстрирующие, с нашей точки зрения, способность к формированию оппозиций: *вербально-семантический* ↔ *лингвокогнитивный*; *вербально-семантический* ↔ *высший мотивационный*.

В. И. Карасик (2004) характеризует языковую личность как коммуникативную, то есть применительно к ситуации общения, рассматривая ее в ценностном, понятийном и поведенческом аспектах. Основопологающим критерием коммуникативной личности является социокультурный. Этапы анализа коммуникативной личности включают: 1) выделение модельных личностей (престижная социальная группа); 2) противопоставление и характеристика пары: обобщенный член общества – конкретный член общества; 3) динамический план ЯЛ – статический план ЯЛ.

Ведущая позиция личности, отмеченная доминированием в общении, акцентирует значимость персоналистской составляющей и репрезентирует ее как *личность дискурсивную*. Возведение персоналистами человеческой личности в ранг фундаментальной категории находит подтверждение в текущем моменте, демонстрируя тенденцию приоритета личности в глобальном социодискурсе.

Анализ языковой личности в парадигме лингвоперсонологии, опосредованно отправляющий к философской концепции персонализма, представляет *личность* как совокупность конкретных проявлений, среди которых особая роль отведена таким значимым характеристикам личности, как волевая активность и деятельность личности, которые обеспечивают ее существование и ведут к образованию дискурса нового типа – персоналистского дискурса В. Жириновского. Персонализм как сложившееся и имеющее двухвековую традицию направление философской мысли получает *новое преломление* в персонифицированной языковой личности – феномене современной медийной политики, отмеченном проявлением деятельностной активности через оппозитивность. Оппозитивная сущность языковой личности контрастирует с объективно выраженными условиями, оформляя отношения полярного взаимодействия в рамках оппозиции: «*оппозитивная языковая личность как отностительно новая категория современной лингвокогнитологии*» ↔ «*персонализм как сложившееся и имеющее двухвековую традицию направление философской мысли*».

Персоналистская сущность дискурса транслируется самой дискурсивной личностью – продуцентом дискурса Владимиром Жириновским. Приведенные теоретические концепции философской и лингвистической трактовки личности, ее значимости и функциональных характеристик позволяют предположить выполнение ею смыслозначимой функции в социуме, отправляющей к проявлению воли, суверенности и свободы, участие в созидательной творческой деятельности государственно-политического уровня, реализуемой на основе экзистенциального опыта в процессе общения.

В силу отсутствия дефиниции термина «оппозитивность» в лексикографических источниках русского языка в нашем определении концептуальной оппозитивности мы основывались на теоретических положениях, выдвинутых Т. И. Красновой (2015), Л. В. Кушиной и М. В. Ивановым (2019), Т. В. Лаврентьевой (2005).

С точки зрения Т. И. Красновой (2015), оппозитивность – это идеологически мотивированная модализация, проникающая в деятельность субъекта сознания, отмеченная проявлением признаков неприятия или недоумения, реализуемых в форме противодействия и умственного противоположения.

Нам близка методика Т. В. Лаврентьевой (2005), изучающей явление оппозитивности на основе комплексно реализованного концептуального признака противопоставленности. Интегративность понятия иллюстрируется реализацией четырех позиций: контрарность, противоречивость, конверсивность, контрастивность.

Таким образом, *концептуальная оппозитивность* представляет собой сложную, интегративно выраженную категорию, которая транслирует специфическое понимание мира, разделяя его на базовые, упрощенные оппозиции: *свой* ↔ *чужой*; *патриот* ↔ *предатель*; *истеблишмент* ↔ *народ*; *сила* ↔ *слабость*, *успех* ↔ *провал*.

Понятие *концептуальной оппозитивности* является перформативным. Концептуальная оппозитивность демонстрирует двойную функциональность: 1) описание противостояния; 2) организация противостояния через дискурс, продуцируемый доминирующей личностью и оппонировавшими ей субъектами.

Под «концептуальной оппозитивностью» мы понимаем процессуально выраженную поляризацию субъектной активности, передающую динамику противопоставления как действия, отмеченного положительно-созидательным либо негативно-деструктивным характером реализации, совмещаемым с дихотомией «СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ». Специфика развивающегося процессуального действия, приобретающего функциональную способность к закреплению тенденции оппозитивной реализации, транслируется понятием «дискурсивная

личность», которая «донастраивается» в процессе общения, формируя собственную концептуальную картину мира, последовательно раскрываемую в продуцируемом ею персоналистском дискурсе через оппозитивность.

Лингвистическое понимание концептуальной оппозитивности в рамках межсубъектной коммуникации отправляет к системно «срабатывающему» механизму конституирующему принцип организации персоналистского дискурса. Результатом оппозитивного взаимодействия является образование особого продукта – персоналистского дискурса Владимира Жириновского.

Концептуальная оппозитивность в нашей работе выступает системообразующей стратегией персоналистского дискурса, трансформируя в процессе контрарной коммуникации языковую личность – публичную персону в *личность дискурсивную* (ДЛ), которая «говорит сама» и, «о которой / с которой говорят». Особенность образования типологии персоналистского дискурса В. Жириновского иллюстрируется схемами:

– первичный дискурс:

«ДЛ Жириновского» (S_2) ↔ «субъекты коммуникативного взаимодействия» (S_2);

– вторичный дискурс:

«говорящие о ДЛ Жириновского» (S_1) ← медиальный субъект (МдС) → «говорящие о ДЛ Жириновского» (S_2).

В первом случае формируется первичный, а во втором – вторичный тип персоналистского дискурса. Третьим актантом действия в дискурсе вторичного типа, оценивающим действия оппонированных субъектов, выступает медиальный субъект (МдС). Таким образом, структуры первичного и вторичного типов дискурса отмечены диадой (межсубъектной) триадой организации.

Критерием формирования первичного и вторичного типов персоналистского дискурса выступает коммуникативная активность главного продуцента дискурса – дискурсивной личности В. Жириновского. Единицей измерения концептуальной оппозитивности является оппозиция. Термин «оппозиция» представлен в толковых словарях русского языка тремя значениями, из которых релевантными данному исследованию определяются первое и третье: 1. Противодействие, сопротивление. 3. Противопоставление, противопоставленность (Ушаков, 2008, с. 440; Ожегов, Шведова, 2007, с. 456; СТСРЯ, 2007, с. 456). В данной работе оппозиция выступает единицей измерения и структурной формой организации оппозитивности в персоналистском дискурсе, который продуцируется В. Жириновским и оппонированными ему субъектами. Оппозиция представляет собой специфическую конструкцию, оформленную контрарным взаимодействием субъектов, отмеченных участием в реализации полярных действий «в дихотомии СОЗИДАНИЕ/РАЗРУШЕНИЕ» (Здановская, 2023, с. 2206). Оппозиция характеризуется дифференцированной структурной организацией.

Рассмотрим специфику формирования оппозиций, иллюстрирующих типологическую классификацию первичного и вторичного типов анализируемого дискурса.

В качестве иллюстративного примера оппозиции персоналистского дискурса первичного типа выступает оппозиция «Моя семья» ↔ «Гражданская война в Таджикистане», трехуровневая структура, представленная вербальной формой объективации (*vb*). Выделенная оппозиция определяется как регулярная межсубъектная структура, осложненная мультипликативной внутрисубъектностью. Указанным термином мы обозначаем форму оппозитивного взаимодействия субъектов базовой (межсубъектной) оппозиции (mS), оформляющую 1-й структурный уровень (SU), которая демонстрирует функциональную способность к формированию внутрисубъектных противоположений различной структурной организации и вариативной сочетаемости на последующих уровнях структуры оппозиции. Внутрисубъектная мультипликативность анализируемой оппозиции, ведущая к образованию трех структурных уровней, выражена противопоставлением внутрисубъектной локализации (vS , 2-й SU) и конструктом «дихотомический композит» (DxK , 3-й SU). Противоположение внутрисубъектной локализации занимает по отношению к базовой оппозиции субординационную позицию. Его структура выражена схемой, отображающей субъектное взаимодействие: (vS_1) ↔ (vS_2). «Дихотомический композит» (термин наш. – Л. З.) определяется как «двуслойный» конструкт, образованный в результате совмещения двух дихотомий. Схема конструкта принимает вид:

[«СОЗИДАНИЕ» («СВОИ» ↔ «ЧУЖИЕ») «РАЗРУШЕНИЕ»].

Состав репрезентантов субъекта «Моя семья» S_1 представлен единицами полярной реализации действий: «СЗД (СОЗИДАНИЕ)» – «Некоторые родственники ко времени перестройки жили в Таджикистане; «<...> вся промышленность, весь энергетический блок был создан при помощи русских специалистов»; «Все, кто приехал в тот край, работали не за деньги и чины. А после переездов, скитаний, жизни в плохих условиях новая квартира казалась раем»; «РЗР (РАЗРУШЕНИЕ)» – «Им, как острым ножом, рану нанесли. Оскорбили память русского народа, русских братьев, которые столько добра принесли таджикам» (Гагут, 2023, с. 28); «Выясняли отношения возникшие из небытия родовые кланы, бряцали оружием»; «<...> озверевшие таджики убили человека при исполнении служебных обязанностей»; «Милиционер был еще жив, когда над ним стали издеваться и буквально растерзали человека. Кто это творил – подонки-рецидивисты или озверевшие фанатики? Человеческая жизнь ценилась очень дешево»; «Плохо стало сразу всем, но совсем невозможно славянам. Зарплату перестали выдавать, о пенсиях можно было забыть»; «Остаться уже было невозможно. Тысячам славян пришлось бросить всё нажитое добро. Трехкомнатная квартира в 60 квадратных метров продавалась теперь по цене сарая. Вернулись в Россию без денег, без имущества, без жилья... Вот откуда, дорогой читатель, коренные лозунги ЛДПР о защите русских в России. Они выстраданы всей жизнью – моей и моей семьи» (Гагут, 2023, с. 29).

Выражением положительной экспрессивной окрашенности событий является использование субъектом (В. Жириновским) словосочетания «новая квартира казалась раем», который отправляет к фразеологизму «райские кушчи», закрепляющему значение «Об уютном, привлекательном уголке (доме, саде, каком-л. месте вообще)» (Бирих, Мокиенко, Степанова, 2007, с. 370).

Высокая степень пейоративности высказывания достигается: 1) использованием приема метафоризации: «как острым ножом, рану нанесли»; 2) трехкратным повтором предлога «без»: без денег, без имущества, без жалья; 3) включением наречий образа действия: *невмоготу, буквально, поголовно*; 4) использованием лексем с отрицательной коннотацией: *подонки-рецидивисты, озверевшие фанатики*. Примером семантической трансформации единицы, ведущей к смене маркируемости действия, является глагол «творил»: «+» → «-». Использование формы вопросительного предложения, отсылающего к риторическому вопросу, усиливает отрицательную эмотивность фрагмента.

Реализация действия «СЗД» представлена глаголами: *жили → приехал → работали → принесли → создан → казалась (раем)*. Динамика деструктивного плана реализации действия «РЗР» иллюстрируется рядом словосочетаний: *возникшие из небытия → нанесли рану → выясняли отношения → бряцали оружием → убили человека → стали издеваться → растерзали → оскорбили память → ставшие злыми → стало плохо, невмоготу → перестали выдавать зарплату → можно было забыть о пенсиях → оставаться было невмоготу → пришлось бросить (нажитое добро) → продавалась по цене сарая → выстрадааны всей жизнью*.

Субъект S_2 (vb) «Гражданская война» объективируется составом: «<...> в Таджикистане началась гражданская война. «Убирайтесь, если жить хотите...» (Гагут, 2023, с. 9). Ограниченный состав репрезентантов субъекта S_2 (vb) дополнен имплицитными характеристиками, совмещаемыми с планом действия «РЗР»: *угроза жизни; открытая враждебность; разгул национализма*.

Оппозиция *Моя семья* S_1 (vb) ↔ «Гражданская война в Таджикистане» позволяет оформить противоположение внутрисубъектной локализации: «Русские» vS_1 (vb) ↔ «Таджики» vS_1 (vb).

Субъект «Русские» репрезентируется текстовыми фрагментами, оформляющими поляризацию действий: «СЗД» – «Племянник принес ключ от дачи (дом с прекрасным садом) соседу: “Распоряжайся, как хочешь. Оставляю тебе на память”»; «РЗР» – «Начался массовый выезд из страны. Вернее сказать, вынужденное бегство русского населения» (Гагут, 2023, с. 29).

Субъект «Таджики» vS_1 (vb) представлен минимальным количественным составом (1 ед.), отправляющим к плану действия «РЗР»: «<...> ставшие поголовно все очень злыми <...>» (Гагут, 2023, с. 29).

Приведенные составы субъектных репрезентаций противоположения «Русские» vS_1 (vb) ↔ «Таджики» vS_1 (vb) обуславливают формирование имплицитно выраженной дихотомии «СВОИ 2 vS_2 (impl) ↔ ЧУЖИЕ» 2 vS_2 (impl). Организация дихотомии «СВОИ ↔ ЧУЖИЕ» в условиях полярной реализации действий «СОЗИДАНИЕ ↔ РАЗРУШЕНИЕ» ведет к образованию конструкта «дихотомический композит», иллюстрируемого схемой:

[«СОЗИДАНИЕ («СВОИ» ↔ «ЧУЖИЕ») РАЗРУШЕНИЕ].

Спецификой функционирования дихотомии «СВОИ ↔ ЧУЖИЕ» в оппозиции является трансформация маркируемости ее субъектов, при которой субъект «ЧУЖИЕ» закрепляет за собой положительную, а субъект «СВОИ» отрицательную маркируемость. Выявленный факт трансформации подтверждается вербальным сопровождением каждого их оппонирующих субъектов, выраженного схемами:

«РАЗРУШЕНИЕ» → «СВОИ» → *озверевшие таджики, озверевшие фанатики, подонки-рецидивисты; возникшие из небытия родовые кланы;*

«СОЗИДАНИЕ» → «ЧУЖИЕ» → *«все, кто приехал», «я и моя семья», «родственники», «милиционер», «русские», «русские специалисты», «русский народ», «русские братья», «русское население», «славяне».*

Подвергнутая лингвокогнитивному анализу структура определяется как регулярная межсубъектная оппозиция, осложненная мультипликативной внутрисубъектностью. Мультипликативность достигается внутрисубъектным образованием противоположения и формированием «дихотомического композита», который организован слиянием дихотомий «СВОИ ↔ ЧУЖИЕ» и «СОЗИДАНИЕ ↔ РАЗРУШЕНИЕ». Схема оппозиции принимает вид (Схема 1):

Схема 1. Оппозиция 1

1-й СУ	$mS: S_1$ (vb) ↔ S_2 (vb) «Моя семья» ↔ «Гражданская война в Таджикистане»
2-й СУ	$1(vS_1)$ (vb) ↔ $1(vS_2)$ (vb) «Русские» ↔ «Таджики»
3-й СУ	$2 vS_1$ (vb) ↔ $2 vS_2$ (vb) [«СОЗИДАНИЕ («СВОИ» ↔ «ЧУЖИЕ») РАЗРУШЕНИЕ]

Иллюстрацией оппозиции персоналистского дискурса вторичного типа выступает оппозиция-триада «Он неизменно побеждал на парламентских выборах» (S_1) ↔ МдС ↔ «Ему предсказывали скорый уход из политической жизни страны» (S_2), которая осложнена мультипликативной внутрисубъектностью – противоположением внутрисубъектной локализации и конструктом дихотомический композит. Медиальным субъектом структуры выступает Л. Гагут, выражающая авторскую позицию при оценке коммуникативных действий обозначенных субъектов. Перейдем к анализу выделенной структуры.

Субъект S_1 представлен компонентным составом вербальной объективации, поддерживающим план действия «СЗД»: «ворвался в российскую политику»; «занял постоянное место на политическом небосклоне»; «вызывая огромный интерес и симпатии своих сторонников».

Вербальная репрезентация субъекта S_2 составлена одной единицей, отправляющей к плану действия «РЗР»: «вызывая яростное неприятие противников».

Базовая оппозиция-триада позволяет оформить противоположение внутрисубъектной локализации: $1 \text{ в} S_1$ «Сторонники» ↔ $1 \text{ в} S_2$ «Противники».

Посевив свои («сторонники») в составе субъектной репрезентации S_1 имплицитно ему субъект чужие («противники»), обуславливающий формирование дихотомии $2 \text{ в} S_1$ «СВОИ ↔ $2 \text{ в} S_2$ «ЧУЖИЕ». Организация указанной дихотомии в условиях поляризации действий «СЗД ↔ РЗР» ведет к образованию конструкта «дихотомический композит», отображаемого схемой:

[«СОЗИДАНИЕ» («СВОИ» ↔ «ЧУЖИЕ») «РАЗРУШЕНИЕ»].

Усиление экспрессивности высказывания достигается использованием адъективов, выражающих полярную оценочность: а) положительная – *постоянный, огромный*; б) отрицательная – *яростное*.

Предпринятый лингвокогнитивный анализ оппозиции «Он неизменно побеждал на парламентских выборах» ← МдС → «Ему предсказывали скорый уход из политической жизни страны» позволил отнести ее к структурам триадной организации, осложненным мультипликативной внутрисубъектностью, которая оформлена противоположением внутрисубъектной локализации и конструктом «дихотомический композит». Схема оппозиции принимает вид (Схема 2):

Схема 2. Оппозиция 2

1-й СУ	$mS: S_1 (vb) \leftarrow \text{МдС} \rightarrow (vb) S_2$ «Он неизменно побеждал на парламентских выборах» ← МдС → «Ему предсказывали скорый уход из политической жизни страны»
2-й СУ	$1 \text{ в} S_1 (vb) \leftrightarrow 1 \text{ в} S_2 (vb)$ «Сторонники» ↔ «Противники»
3-й СУ	$2 \text{ в} S_1 (vb) \leftrightarrow 2 \text{ в} S_2 (impl)$ [«СОЗИДАНИЕ» («СВОИ» ↔ «ЧУЖИЕ») «РАЗРУШЕНИЕ»]

Подвергнутые анализу оппозиции, включенные в типологические классификации первичного и вторичного типов, демонстрируют различную организацию на межсубъектном и сходную на внутрисубъектном уровнях:

- межсубъектный уровень (первичный тип) – бинарная оппозиция; оппозиция-триада;
- внутрисубъектный уровень (первичный, вторичный): осложнение мультипликативной внутрисубъектностью, представленной двумя позициями: а) противоположение внутрисубъектной локализации; б) конструкт «дихотомический композит».

Заключение

Предпринятое исследование лингвокогнитивной репрезентации концептуальной оппозитивности в персоналистском дискурсе Владимира Жириновского позволяет нам прийти к следующим выводам:

1. Возрождение персонализма, отмеченного тенденцией к отображению оппозитивности, в текущем моменте получает языковое воплощение в дискурсивной личности В. Жириновского, отмеченного проявлением воли, свободы, суверенности, национальной идентичности.

2. Концептуальная оппозитивность является системообразующей стратегией, формируемой в результате коммуникативной активности дискурсивной личности В. Жириновского, выступающего главным продуцентом персоналистского дискурса, и субъектов, вступающих с ней в отношения оппозитивного взаимодействия в рамках оппозиции.

3. Формирование оппозиций, выступающих единицами измерения концептуальной оппозитивности, является следствием реализации субъектами общения полярных действий, совмещаемых с дихотомией «СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ».

4. Критериями построения типологических классификаций оппозиций первичного и вторичного типов персоналистского дискурса В. Жириновского выступает коммуникативная активность дискурсивной личности и субъектов общения. Специфика формирования персоналистского дискурса отображается схемами:

- первичный дискурс:

«ДЛ Жириновского» (S_2) ↔ «субъекты коммуникативного взаимодействия» (S_2);

- вторичный дискурс:

«говорящие о ДЛ Жириновского» (S_1) ← медиальный субъект (МдС) → «говорящие о ДЛ Жириновского» (S_2).

5. Совмещение двух дихотомий в рамках оппозиции ведет к образованию конструкта «дихотомический композит», представленного схемой реализации:

[«СОЗИДАНИЕ» («СВОИ» ↔ «ЧУЖИЕ») «РАЗРУШЕНИЕ»].

Перспективы дальнейшего исследования связаны с развитием основного направления, предполагающего разработку ключевых положений теории концептуальной оппозитивности, включающей детальную характеристику дискурса персоналистской ориентации, который образуется на основе оппозитивной коммуникации субъектов, поддерживаемой дихотомией «СОЗИДАНИЕ ↔ РАЗРУШЕНИЕ».

Материалы исследования | Research materials

1. Бирих К. А., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. Изд-е 3-е, испр. и доп. / под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007.
2. Гагут Л. Д. Вспоминая В. В. Жириновского. М.: Родина, 2023.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд-е 4-е, доп. М.: ИТИ Технологии, 2007.
4. СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008.
5. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом Славянской книги, 2008.
6. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская Энциклопедия, 1983.

Источники | References

1. Базылев В. Н. Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада (к определению статуса дисциплины) // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. 2005. Вып. 15.
2. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря / сост. П. В. Алексеева. М.: Республика, 1995.
3. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дисс. ... д. филол. н. Л., 1984.
4. Есипова Л. В. Критерии определения персонализма // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. (Философские науки). 2008. № 5 (72).
5. Здановская Л. Б. Специфика репрезентации концептуальной оппозитивности в аспекте рассмотрения политического дискурса (на примере дихотомии СОЗИДАНИЕ/CREATION – РАЗРУШЕНИЕ/DESTRUCTION в русском и английском языках) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 3. <https://doi.org/10.30853/phil20230104>
6. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77>
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004.
8. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. М.: Прогресс, 1989.
9. Краснова Т. И. Феномен оппозитивности газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920 (22) гг.: автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2015.
10. Кузнецова О. С. Французский персонализм в европейском философском контексте: основные дискуссии и влияния: дисс. ... к. филос. н. М., 2009.
11. Кушнина Л. В., Иванов М. В. Оппозитивность как сущностная категория исторического дискурса: на примере концептов конфликт/согласие // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3.
12. Лаврентьева Т. В. Структурная организация концептуального поля оппозитивности: автореф. дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2005.
13. Лосский Н. О. Мир как органическое целое // Лосский Н. О. Избранное. М.: Правда, 1991.
14. Мунье Э. Манифест персонализма / пер. с франц. И. С. Вдовиной, В. В. Вдовина. М.: Республика, 1999.
15. Резчикова Е. А. Персоналистский дискурс историко-культурного познания: на материале личности П. А. Столыпина: дисс. ... к. культ. Ярославль, 2013.
16. Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания: собрание статей. Париж: Евразийское книгоиздательство, 1927.
17. Ricoeur P. Histoire et Vérité. P.: Seuil, 1955.

Информация об авторах | Author information

Здановская Лидия Борисовна¹, к. филол. н., доц.

¹ Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

Lidiya Borisovna Zdanovskaya¹, PhD

¹ Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar

¹ zdanovskaya2903@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.03.2026; опубликовано online (published online): 07.04.2026.

Ключевые слова (keywords): концептуальная оппозитивность; персоналистский дискурс; первичный тип дискурса; вторичный тип дискурса; оппозиции; conceptual oppositivity; personalistic discourse; primary type of discourse; secondary type of discourse; oppositions.